

РАССКАЗ

Худ. Гомеров В. К.

Машина миновала запорошенный пылью асфальт окраинной магистрали и вынеслась за город.

Мягкие увалы предгорий убегали к синейся на горизонте гряде гор. Справа подымались причудливые конуса Бештау, Железной, Верблюдки, Змейки. Под вылинявшим от зноя вечеряющим небом вдоль шоссе тянулись зеленые полосы кукурузы. За ними на золотистых прямоугольниках пшеницы — комбайны.

В открытые окна кабины рвались горьковатые запахи нагретой земли и спелых трав. Вдоль обочины одна за другой мелькали свежeverытые ямы.

«И конца им нет», — дивился Анатолий.

— Земля нашего колхоза. Любуешься, матрос? — не глядя на пассажира, нарушил молчание водитель, — комсомольцы ямок понарыли. И мои здесь есть, как же, затащили и меня ребята. Прослышали, что на Украине обсаживают дороги фруктовыми деревьями, решили себе перенять. Наш партийный секретарь подтолкнул еще: «А мы что, хуже? Или земля поплоче? Да такую только украшать да прихорашивать!» Как сказал, а? Здорово!

В зеркальце над ветровым стеклом Анатолий видел обветренные губы водителя, его худые темные щеки, упрямый квадрат подбородка с проступающими на нем иссиня-черными щербинками. По лицу трудно было угадать, сколько водителю лет, лишь невыгоревшие полосы на плечах солдатской гимнастерки — след недавно снятых погон — показывали: шофер молод.

Машина с ходу взяла подъем и уже нагнала кучку девчат в разноцветных платьях. Водитель оглянулся. Дорога сзади была пустынной. Лицо водителя враз стало озорным.

— Наши комсомолки. Звено коммунистического труда, — выдохнул и совсем по-ребячьи подмигнул соседу: — сейчас припугнем?.. Холостой?

— Как сказать...

Улыбку словно сдуло ветром с лица водителя.

Машина вильнула налево и бесшумно подкатила к идущим. Резкий звук сигнала вызвал переполох. Послышались выкрики.

— Рассыпался букет, — улыбнулся матрос.

— Ну-ка, цветики! — подхватил шутку водитель. — Подвезти?

Девушки подступили к машине. На водителя посыпались хлесткие словечки. Он притворно втянул голову в плечи, вывернул грузовик направо и тут же соскочил на землю.

— Ладно, Ладно! Хватит крестить, крещенный. Не злитесь, смотрите, какого жениха везу! Сам бы засватал, да не девка.

— Зря надрываешься, сват! — не скрыл досады матрос.

— Почему не похвалить приезжего человека? Посмотри, невесты на выбор! На любой вкус...

— Кроме твоего,— насмешливо отозвалась невысокая, чернявая девушка в платочке, спущенном на брови.— Ты больше с молодыми мамочками. Проще, что ли? — сквозь насмешку в ее словах прозвучала обида.

— Это не твоя печаль, Галка! — вспыхнул водитель.

— Ух, напугал! Серьезным считаешься. Водитель, тоже. Самого тебя за нос водят,— презрительно закончила она и легко вскочила на скат, оттуда перемахнула в кузов, сверкнув загорелыми ногами.

— Ершистая, — водитель нагнулся, скрывая смущение, подтолкнул локтем Анатолия.— Сильна девка, а? — он сорвал сиреневый с проседью цветок татарника, провел им, как кисточкой, по щеке.— Бриться надо, забываю армейский порядок.

Водитель в сердцах пнул пропыленный куст. Жесткие жестяные листья татарника сухо скрежетнули под тяжелым сапогом.

— Корчевать эту нечисть... торчит тут. Поехали, что ли? — хмуро закончил он.

— А она к тебе вроде равнодушна, эта Галя?

В глазах водителя словно скопилась горечь, его потрескавшиеся губы скривились, может от боли.

— Все у меня в жизни, годок, нескладно получается,— доверчиво заглянул он в темно-голубые глаза спутника.— Сирота я, служил здесь шофером в одном подразделении. Не сколько раз посылали в Маршальский колхоз в порядке шефской помощи. Места, сам видишь, отменные. А люди и того лучше. Демобилизовался, остался в колхозе. На квартиру договорился к одной вдовой тетке. Вскоре к ней дочка приехала. Тихая да застенчивая. Верить — такую только тот и не обидит, кто не захочет. С девчонкой махонькой, а на меня ноль внимания. А ведь зарабатываю как следует, прибарахлился: мотоцикл имею, телевизор завел. Самое время жениться. Хозяйка, тетя Паша, за меня обеими руками. Для нее такой зять-шофер — находка. А дочка — своего мнения обо мне, как ни подъезжаю к ней — никакого толку. Один умник, черт бы его драл, посоветовал: «Ты, брат, через мать действуй».

Поговорил с матерью, тетя Паша даже прослезилась: «Дорогой мой, я за тебя всей душой!» — неумело передразнил он женский голос.— А вот дочка ни в какую. Увидел как-то, плачет. Не люб, стало быть. Тетя Паша утешает: «Привыкнет». А зачем это мне, если не люб? И веришь, другой не хочу. Невесело живу... Как звать-то тебя?

— Анатолий.

— Везет же людям. Имя тебе подходит. Большой, белявый. А вот мне родители — по пьянке что ли? — Касьяна придумали. Тоже имя,— он замолчал, покосился на спутника.— А почему тебе — я краем уха на элеваторе слышал твой разговор — вид на Бештау понадобился? На курорт пробираешься? Поближе к солнышку, где полегче, что ли?

— Лишнее городишь, парень! У тебя своя беда, у меня тоже,— поколебавшись ответил матрос.— Негоже раскрывать так вот, сразу, свою душу, да уж откровенность за откровенность, расскажу. В прошлом годочке получили мы новую технику. Где и какую — не имеет значения. Я на торпедных катерах мотористом служил. Возвращался из командировки и заболел, да так, что чуть было концы не отдал. Азиатский грипп, что ли. Очнулся в больнице таежного городка. Приходит сестра: маленькая, белолицая, глаза серые, черным обручиком стянуты. Это, надо думать, — усмехнулся он,— чтобы еще больше не сделались. Ручонки, веришь, в мой палец, а ловкие. «И где такие девчата родятся?» — думаю. Голова кругом пошла. Ночь не мог спать, словно мне, как первогодку, матросы гаек под простыню насовали. Докторша в той больнице была молодая, статная и видная, что твоя хозяйка

Медной горы из «Каменного цветка». Бедовая женщина! Сам знаешь, служба нашего брата не балует. А в больнице — как на курорте. Только бы видеть ту сестренку. Дождался. Пришла. А я глаз не могу поднять на нее. Наконец, решился. Смотрю — она покраснелась, смущается. Как бы это поточнее сказать... Ну, понимаешь, все вокруг посветлело, любую пылинку заметил бы. А ничего не вижу, одну ее. Стал выздоравливать, а тут мысли лезут: «Полежать бы еще...» Докторша ласковая: «Как себя чувствуешь, морячок?»

Начал я выходить понемногу. Вечерами встречались с сестренкой моей... — он запнулся, — что говорить... Ну, понимаешь сам. После спохватился: можно бы и погодить...

Матрос на мгновенье задумался.

— Ничего она у меня не требовала, не просила. Значит, все очень серьезно. А раз так... Я к ней тоже намертво, поштормовому принайтовился. Приехали за мной из части. «Жди меня, — говорю, — отслужу год и поедem куда хочешь. Больше не расстанемся».

Пишу ей. Ответа нет. Потом вдруг стали письма приходить обратно: «Адресат выбыл». Затревожился я. А командир дивизиона у нас человек был с дальним прицелом. Объявил набор на курсы шоферов и трактористов. Я тоже записался, а не могу отвлечься, все думаю, где моя медицинская сестренка? Куда только не писал. Вызвал меня командир. Все-то он знал, а что не знал, о том догадывался. «Скучаете, Федоров?» «Есть такая беда, товарищ капитан второго ранга». Дал он мне отпуск. Приезжаю в больницу, старушку-швейцара спрашиваю: «Где сестра Аня?» Пошла старушка в кабинет, слышу — та молодая докторша с сердцем, чуть не в крик: «Спуталась с матросом и от стыда перед людьми сбежала!»

Двинулся я было к тому кабинету, да хорошо, что переломил себя: повернулся налево кругом и бегом оттуда. А у самого так и горит внутри, печет меня обида на докторшу, гневом распаляется. Не помню, как шел, но слышу — окликают сзади. Опаматовал тогда, оглянулся — Анина подружка, сестра из хирургического.

Расстроенная, запыхалась. «Не верьте докторше, Анатолий! Она сама на вас виды имела. Придиралась к Ане, как хотела, житья ей не давала».

— Куда же Аня девалась? — спрашиваю, одно лишь узнать хочу.

— Не знаю, только трудно ей было одной после всего. На чужой ведь роток не набросишь платок. Пошли разные толки. А вы молчали: ни одного письма за столько времени. Аня плакала: «Посмеялся, бросил...»

— Писал я ей, - не говорю, кричу, сам пачку писем из кармана

выхватил. — Письма обратно приходили. Вот смотрите: «Адресат выбыл».

— Это почерк докторши, - ахнула Анина подружка.

...Машина по-прежнему быстро расталкивала кукурузные поля. Сухо пощелкивала и шуршала щебенка под скатами. Суставы загорелых пальцев Касьяна на баранке руля заметно побелели. — Ну и дальше? — хриловато кашлянул он. — Ты, я вижу, жох, бабы на тебя сами вешаются.

Анатолий поморщился.

— Припоминал как-то ночью, будто детали мотора бережно перебирал. И вспомнил ее слова: «Дом наш в низине. Выйдешь на крыльцо и перед тобою Бештау, как большая-пребольшая госпитальная палатка». Стал писать во все справочные бюро городов Кавминвод. Отовсюду один ответ: «Не проживает»... Потом нас перебазировали, вскоре подошла мобилизация. Опять вызвал меня командир:

«Что, товарищ матрос, не забывается?» А сам смотрит на меня в упор. Седой, а глаза молодые. Ходил в нашем поселке слух, что у него нелады семейные. Говорили: слишком веселая для флотского захолустья жена ему попалась... Но не о том речь. Слушает меня командир, а у самого глаза мечтательные. То ли он думает об Ане, то ли вспомнил свою молодость... Одно знаю, - твердо сказал Анатолий, - за такого командира каждый, не раздумывая, жизни бы не пожалел. Как такому не расскажешь всего?

— Это я понимаю, матрос! И мой командир роты — золотая душа, — перебил Касьян.

— Вот и говорит капитан второго ранга: «Есть же у вас примета, ориентир — гора Бештау. Возьмите на него направление с одного населенного пункта, второго, третьего. Поездите, найдете дом, где она жила, найдете!» Как вылечил меня, понимаешь? Надежду дал. Черкнул я бате в Красноярск, — он там на заводе мастерует, что задерживаюсь, и махнул сюда. Верить, две недели мотаюсь вокруг Бештау, ищу.

— Так, думаешь, и ждет: вот, мол, прилетит сизогрудый голубок, — недобро покосился Касьян на воротник матроса.

Лицо Анатолия посуровело. Между широкими светлыми бровями легла глубокая складка. Он сжал губы и отчужденно бросил:

— Ждет!

— Так ли?

— Ждет! Я же жду, как слово дал. Она тоже должна ждать.

— Кормить тебя кто будет, пока ты ловишь девок? Отец или добрый дядя — командир?

— Не девок, а жену!.. Кормить? Видишь,

— сунул он в лицо Касьяну широкие, с застарелыми несмываемыми следами металла и масла, ладони. — Давно эти руки свои лепешки зарабатывают. Месяц как демобилизовался, зудят без дела. Поищу в одном месте, заработаю на дорогу, опять двину. Найду!

Машина резко остановилась. Послышались возмущенные голоса девчат в кузове и дробь кулачков по крыше кабины.

— Полегче с тормозами!

— Не дрова везешь!

— Расквохтались, — глядя куда-то вбок, буркнул водитель.

Длинный узкий клин дороги острием уходил к городу. А впереди такой же узкий клин упирался на горизонте в темную зелень деревьев. В центре этого сильно вытянутого серого ромба стояла машина.

«Как стрелка компаса. А машина — на оси стрелки», — пришло в голову Анатолию.

От этого сравнения заколотилось сердце и тревожный холодок пробежал по спине.

— Дай прикурить, годок, — хрипловато попросил Касьян.

Матрос чиркнул спичку. Касьян потянулся к его руке. Направляя конец папиросы в еле заметный на свету встревоженный ветром, огонек, он долго не мог попасть в него: пальцы дрожали. Не замечая, что огонь жжет середину папиросы, Касьян исподлобья смотрел в лицо матроса. Потом отодвинулся, сплюнул, достал из кармана свой коробок.

— Девчата, слазьте! — приказал он. — Дальше вас дядя Миша довезет. Он за мной идет. А нам не по дороге.

— И чего ты вздумал высаживать девчат?

— Без свидетелей лучше, — словно про себя и только для себя пробурчал шофер, сильно затягиваясь папиросой.

Подошел к кузову.

— Галя, не обижайся, после объясню.

— Так лучше я слезу, а ты вези девчат, — возразил матрос.

— Нет, раз взялся, то довезу до конца. Садись! — захлопнул дверцу Касьян и дал газ.

— Характерец у тебя...

— Не цепляй чужую душу своими граблями,— судорожно дернул водитель кадыком.

Машина проскочила мосток, по-кошачьи выгнувший спину над порожистой бранчливой речушкой. За поворотом выглянули и побежали в стороны от дороги, прячась в зелень садов, разноцветные опрятные дома.

Касьян сбросил газ, секунду поколебался и решительно свернул в проулок. Остановил машину, рванул дверцу и хрипло приказал:

— Вылазь, матрос!

— Ну, знаешь, за такие шутки... — угрожающе начал, Анатолий.

— Кася, ты что сегодня так рано? — удивленно окликнула водителя из-за плетня моложавая, не по годам расплывшаяся женщина.

— Смотри, Анатолий, — впервые назвал водитель матроса по имени,— вот крыльцо, а вон Бештау, примета. Я хорошо тебя рассмотрел. Твоя дочка на отца здорово скидается. Аня проговорила о твоём имени. Она тебя ждет. Смотри, только без обмана. Это я, как солдат солдату говорю.— Он закусил губу.— Будь здоров! — на подбородок Касьяна с губы скатилась капелька крови.

Он высунулся из кабины:

— Тетя Паша! Съезжаю на другую квартиру. За барахлишком после подкачу...

Дорожная пыль скрыла стремительно умчавшуюся машину.